

Е. М. ФЕОКТИСТОВ

Воспоминания

<Фрагмент>¹

<...> В первые годы царствования императора Александра Александровича говорили, что, в сущности, Россией управляет триумвират, а именно: Победоносцев, граф Толстой и Катков². Как это было мало похоже на правду! Мнимый союз трех названных лиц напоминал басню о лебеде, щуке и раке. Относительно основных принципов они были более или менее согласны между собой, но из этого не следует, чтобы они могли действовать сообща. М. Н. Катков кипятился, выходил из себя, доказывал, что недостаточно отказаться от вредных экспериментов и обуздать партию, которой хотелось бы изменить весь политический строй России, что необходимо проявить энергию, не сидеть сложа руки; он был непримиримым врагом застоя, и ум его неустанно работал над вопросом, каким образом можно было бы вывести Россию на благотворный путь развития. Граф Толстой недоумевал, с чего же начать, как повести дело; он был бы и рад совершить что-нибудь в добром направлении, но это «что-нибудь» представлялось ему в весьма неясных очертаниях; что касается Победоносцева, то, оставаясь верным самому себе, он только вздыхал, сетовал и поднимал руки к небу (любимый его жест). Неудивительно, что колесница под управлением таких возниц подвигалась вперед очень туго. Катков и Толстой вовсе не видались, Победоносцев видался с Катковым, но после каждого почти свидания раздражался жалобами — так солоно приходилось ему от беспощадных нападок Михаила Никифоровича. Вообще он вполне сочувствовал его образу мыслей, но никак не хотел

идти за ним, когда тот предлагал осуществить свои идеи в той или другой форме. Для примера беру вопрос о судебных учреждениях. Если Катков, справедливо или нет, запальчиво порицал их, то и Победоносцев несколько не уступал ему в этом отношении; не раз приходилось мне слышать от него, что, с тех пор как возникли они у нас, никогда его нога не переступала порога судебного здания — так было ему противно все, что там происходит, — он зачитывался статьями «Московских ведомостей», направленными против наших судов, и аккуратно посылал их государю; не пощадил он и министра Набокова, своего товарища по училищу правоведения, с которым в прежнее время находился в близких отношениях. Благодаря главным образом ему, Набоков был сменен. Возник вопрос о том, кого поставить на его место, — Катков доказывал (и, со своей точки зрения, вполне верно), что если хотят существенного преобразования судебных порядков, то надобно остановить выбор на лице, которое не принадлежало бы к судебному сословию, не было бы связано с ним такими узами, которые при всем добром желании было бы ему трудно порвать. Но Победоносцев устранился сколько-нибудь коренной ломки; как всегда случалось с ним, он готов был идти очень далеко, пока дело ограничивалось лишь бесплодными рассуждениями, и вдруг изменил тон, когда явилась возможность действовать. Та же история повторилась и при обсуждении нового университетского устава. Катков был не такой человек, чтобы отнестись благодушно к подобному противодействию самым заветным своим планам, а потому отношения его к Победоносцеву становились все более натянутыми. В последние годы, или, вернее, месяцы своей жизни, приезжая в Петербург, он лишь изредка крайне неохотно посещал Константина Петровича, причем в беседах своих с ним даже избегал затрагивать наиболее жгучие вопросы, но с глазу на глаз в тесном кружке своих приятелей отзывался о нем с озлоблением. Что касается графа Толстого, то Победоносцев слишком чувствительно задел его самолюбие предпринятым им преобразованием духовных учебных заведений, преобразованием, отменявшим самое существование из того, что было совершено его предшественником. Он выполнил эту реформу, даже не спросив мнения о ней Толстого, ни разу не посоветовавшись с ним: «Он поступил со мной точно так же, как я некогда с Головинным», — говорил с яростью граф

Дмитрий Андреевич. Словом, симпатии между лицами, которым приписывалось преобладающее влияние на дела, не существовало. «Правительство идет», — воскликнул как-то Катков в добрую минуту, но затем он окончательно разочаровался в возможности этого победоносного шествия. Однажды обедали мы с ним у Делянова; было тут еще несколько человек одинакового образа мыслей; разговор шел о том, почему это либеральная партия умела всегда действовать смело и решительно, почему отличалась она единомыслием и дисциплиной, тогда как партия, пришедшая ей на смену, обнаруживает все признаки бессилия. Добрейший Иван Давыдович утверждал, что не следует падать духом, что все пойдет хорошо. Катков, по обыкновению своему задумчиво ходивший по комнате, вдруг остановился пред Деляновым:

— Нет, господа, — сказал он, — напрасно вы обольщаете себя надеждами; никто не относится к вам серьезно, никто не думает, чтобы удалось вам сделать что-нибудь путное...

Заслуга графа Толстого по назначению его министром внутренних дел была все-таки немаловажная. Он достиг по крайней мере одного: в комнате нельзя было сидеть от сквозного ветра, граф Толстой запер двери, и сквозняк прекратился. Действительно, вместо прежнего лихорадочного брожения наступило при нем затишье; мы как будто успокоились, отрезвели, проявилось стремление перейти от бесплодной агитации к делу — и для всего этого не потребовалось даже особенных усилий с его стороны. Графу Толстому помогла приобретенная им репутация какой-то необычайной энергии: все притихло под влиянием мысли, что теперь явилась у нас наконец сильная власть; все были убеждены, что от него нечего было ожидать потворства попыткам волновать общество. Катков утверждал не без основания, что в прежнее время само правительство производило, не желая того, революцию; реформы следовали одна за другою с необычайною быстротой, изменили все наши гражданские учреждения, весь наш общественный быт, не было никакой возможности так скоро освоиться с ними, неудовольствие господствовало повсюду, проявлялось нередко в самых преступных формах, но и тут правительство обнаружило свою несостоятельность; оно не умело быть разумно и последовательно строгим — как кто-то выразился о нем, «ущипнет и убе-

жит», то набрасывалось на виновников смуты с истерическим раздражением, то смотрело сквозь пальцы на их подвиги. Всему этому был положен теперь конец. Со вступлением в должность графа Толстого наступило такое поразительное сравнительно с прежним спокойствие, о котором незадолго пред тем нельзя было и мечтать. Следовало пользоваться этим благоприятным моментом, но, к сожалению, для этого не хватило у графа Дмитрия Андреевича ни сил и ни умения. <...>